

Парадоксы государственной идентичности

Борис ЛЕПЕШКО,
кандидат философских наук, доктор исторических наук

Использование определения «государственная» применительно к термину «идентичность», обычно употребляемому в контексте личного выбора, персоналистских установок, способно вызвать сомнения. Когда речь идет о национальной (религиозной, этнической, культурной) идентичности того или иного субъекта, существует ясное понимание того, что она тесно связана с понятием «индивидуальное» («отличность в своей единичности», «индивидуальность», «личность»).

Так, во всяком случае, утверждают авторы энциклопедии «Постмодернизм» [1, с. 297]. Насколько правомерно в таком случае говорить о «государственной идентичности», если государство «надличностно», «внеличностно»? Государство не воспринимается общественным сознанием в качестве феномена, в нем (сознании) имплицитно присутствующего. Чаще всего здесь господствуют мнения и оценки, связанные с достаточно жесткой оппозицией данных смысловых структур (гражданское общество – государство, личность – государство и т.д.). Но прежде чем вести разговор о причинах и сущности такого рода оппозиции, есть смысл определиться с терминологией.

Идентичность (тождество, совпадение) – это своего рода полная аналогия, то есть тот случай, когда соотнесение кого-либо (чего-либо) с самим собой достигает высокой степени тождества. Далеко не случайно синонимами понятия «идентичность» выступают такие термины, как «тождественность», «соответствие», «равенство», «симметричность». Упоминание аналогии не случайно, поскольку «идентичность» предполагает перенос неких существенных признаков с одного предмета на другой. Связано это с тем, что установление тождества предполагает не просто факт признания «равенства» неких объектов (субъектов), но и стратегическое конструирование новых типов отношений в процессе их развития, изменения.

Например, мое собственное «отождествление» с определенным этносом значит не только то, что «я» может найти с коллективным «мы» некие общие черты, идентифицирует себя с «коллективным бессознательным», но и то, что в ходе развития как «я», так и «мы» находятся в некой смысловой связи, взаимно дополняя друг друга. Что подразумевается, когда мы говорим о культурной идентичности? Не только то, что ощущается, принимается и репродуцируется как единство языка, духовных, материальных традиций, в целом ментальных приоритетов и предпочтений. Воспринимая культуру предыдущих поколений, «я» конструирует и себя, свою будущность, более того, заново «прочитывает» и интерпретирует прошлое.

ОБ АВТОРЕ

ЛЕПЕШКО Борис Михайлович.

Родился в 1955 году в Волковыске Гродненской области. В 1978 году окончил Гродненский государственный университет имени Я. Купалы. Работал заведующим орготделом Гродненского горкома ЛКСМБ (1978–1980).

В 1983–1985 годах – доцент Брестского строительного института. С 1985 по 1991 год – лектор Брестского горкома КПБ, инструктор, заместитель заведующего отделом, заведующий идеологическим отделом Брестского обкома КПБ.

С 1991 по 1995 год – доцент Брестского госуниверситета имени А.С. Пушкина. В 1995–2000 годах – председатель совета по делам религий и национальностей Брестского облисполкома, в 2000–2005 годах – декан юридического факультета, в 2005–2007 годах – первый проректор Брестского госуниверситета.

С 2007 года – профессор БрГУ имени А.С. Пушкина, профессор Опольского университета (Польша).

Кандидат философских наук (1983), доктор исторических наук (2000), профессор философии (2001).

Автор свыше 350 научных, литературных работ, статей.

Сфера научных интересов: логика, философия истории, методология познания.

Понятие «государственная идентичность», конечно же, не означает, что некие государства находятся в процессе «самоотождествления». Разговор о более явных и предметных вещах: о том, что личность (субъект) может отождествлять себя с конкретным государством, а может находиться в оппозиции к системе ценностей (в частности), которую оно предлагает. Личность может ощущать свою генетическую, духовную связь с традициями государственности в той или иной стране, а может быть оторванной от ее корней и апеллировать к чувству социального одиночества, постулировать оторванность от сложившихся стереотипов государственности. Человек, находящийся в рамках определенного социума, способен как чувствовать свою органичную связь с его структурами, так и утверждать свой космополитизм в качестве формы отчуждения от конкретных форм государственности. Иными словами, разговор о «государственной идентичности» фактически есть продолжение выяснения сути личностного выбора человеком, вот только предметом этого выбора становится, прежде всего, государство, та или иная форма его устройства.

Заметим, кстати, что революционное, даже реформистское мышление во многом определяется фактом неприятия тех ценностей, которые постулируются конкретным государством, его идеологами. Вспомним, например, как Владимир Ленин характеризовал сущность царизма, сколь велика была у него, как, впрочем, и у всей когорты революционеров той поры в целом, степень неприятия всей системы власти, всех структур государственного порядка. Можно обратиться и к примеру восприятия Отто фон Бисмарком своей принадлежности исключительно к Пруссии, прусским монархическим принципам, двору Гогенцоллернов, нисколько, впрочем, не помешавшего этому выдающемуся государственному деятелю примерить прусским королям общегерманскую корону. Показательно понимание истории и современности Франции с позиции монархических идеалов генералом де Голлем. Франция – республика, де Голь – президент, тем не менее он ощущает себя коннетаблем, главнокомандующим, инициирует конституционное продление президентских полномочий (7 лет), позже дезавуированное президентом Ф. Мит-

тераном. Приведенные примеры свидетельствуют, что понимание идентичности собственного мировосприятия с формами и сущностью того или иного государственного устройства – вполне реальный феномен, проявляющийся на конституционном, политическом, культурном уровнях.

От чего зависят эти и подобные процессы – от характера самой личности, сути и генезиса государств, исторической традиции, психологических особенностей индивидуума или процессов манипуляции общественным мнением? Что лежит в основе этих явлений – некие конспирологические мотивы, экономические, политические, социальные предпосылки или же речь идет о категориях судьбы, предопределения, фаталистичных по духу и сути? Многие из этих непростых вопросов, требующих системного анализа, весьма актуальны для нашей страны.

Но прежде чем обратиться к их рассмотрению, сосредоточим внимание на трех основных тезисах, касающихся нашей политико-правовой действительности. Тезис первый: сегодня мы фиксируем кризис европейской идентичности, связанный, в первую очередь, с кризисом христианской идентичности. Тезис второй: отечественная (в широком смысле) идентичность основана на традиционных ценностных предпочтениях, консервативных по своему духу и сути, формой проявления которой явились, прежде всего, идеи В. Соловьева и И. Ильина. И, наконец, третий: по причинам, связанным с характером и сущностью нашего национального развития, сегодня нельзя говорить о кризисе государственной идентичности применительно к белорусскому национальному самосознанию.

Поясним, что имеется в виду. Вспоминая о европейской идентичности, в качестве ее социокультурных оснований называют три фактора – греческую философию, римское право и библейскую этику. Не случайно Папа Римский Иоанн Павел II не раз отмечал, что «европейская идентичность невозможна без христианства. Именно в нем общие корни, из которых вырастает цивилизация старого континента, его культура, динамизм, предприимчивость, способность сознательного расширения на других континентах» [2, с. 106]. Но эта мысль сегодня не является общепризнанной, она подвергается ревизии. Более того, за многочисленными новациями как в государственной, се-

мейной, так и в правовой, культурной сфере отчетливо прослеживается главное: кризис традиционных ценностей, за которым легко угадывается кризис христианства.

Например, доминирование идеи прав человека укладывается в гуманистические традиции, но за этой идеей не просматривается главного – представления о границах прав человека, понимания иерархии предпочтений. Существует иллюзия, что реализация универсальных прав человека, провозглашение их в качестве основополагающей, фундаментальной ценности не требует апелляции к ценностям христианского порядка. Иными словами, налицо четкая и ясная строгая дизъюнкция: или христианская идентичность, или новая система ценностей, с ней никак не связанная. Это стоит подчеркнуть особо, так как сегодня присутствует желание многих, прежде всего политиков, не видеть данного разделения, «смазать» проблему, заменив риторикой о «новых ценностях», нехристианских по сути.

Но данный кризис имеет прямое отношение и к проблеме «государственной идентичности». Так, сегодня в Европе много говорят о ее утрате и создании наднациональных институтов, не сопряженных с пониманием связи между отдельным гражданином и теми или иными формами государственного устройства. Собственно, такого рода наднациональные институты – реальная политико-правовая практика наших дней. Подобная глобализационная реальность объявляется последним словом политико-правовой мысли, однако нельзя не замечать: утрата (или кризис) идентичности в данной сфере означает разрыв с той традицией, которая складывалась веками и которая основывалась на понимании единства трех категорий: христианство, гражданин, государство. Другими словами, на наших глазах происходит не просто замена неких «отживших» форм общежития иными, якобы отвечающими духу времени, – происходит кризис идентичности, затрагивающий базисные формы нашего существования, причем без видимых внешних проявлений, как будто речь идет о чем-то неважном и малозначительном.

Это особенно заметно при обращении к пониманию идентичности, связанному с отечественной интеллектуальной традицией. Кратко остановимся на идеях двух выда-

ющихся мыслителей. Владимир Соловьев, защищая не просто христианскую идентичность, а ее «экуменическую» разновидность, призывал распространить последнюю на сферу государственного устройства. В связи с этим он выступал с призывом создать новую, «экуменическую» идентичность, из которой бы вытекала необходимость нового государственно-духовного устройства общества, в котором светская власть будет принадлежать русскому царю, а духовная – римскому первосвященнику. Идею тогда, во второй половине XIX века, признали бредовой, неосуществимой, и для таких оценок, по-видимому, имелись основания. Но вместе с тем было в ней и рациональное зерно, заключавшееся в понимании жизненности христианской идентичности в ее «полном», восточном (византийском) и западном (римском) виде. Значимость этого посыла особенно зримо проявляется в условиях современного кризиса христианской идентичности, который «накрыл» как восточную «ветвь» церкви, так и западную. Очевидно, смысл «новой экуменической государственности» заключается в ощущении единства христианского мира, объединении усилий для ответа на вызовы современности, понимании того простого факта, что только в рамках единой церковно-государственной политики возможно сохранение христианской идентичности жителей Европейского континента.

Согласно идеям другого мыслителя, Ивана Ильина, государственная идентичность тождественна историческому выбору русского народа, неотделимому от идей православия и монархии. «Однородность духовной жизни, – писал он, – совместимость духовного творчества и общность духовной культуры составляют глубочайшую и подлинную основу всякого государственного единения. Государство определяется именно тем, что оно есть положительно-правовая форма родины, а родина есть его творческое, духовное содержание» [3, с. 104–105]. По Ильину, характер государства, создающегося, прежде всего, для укрепления «внутреннего мира», не может и не должен быть отвлеченно-формальным. Государство – это строй никак не «внешней», но «внутренней жизни», определяющейся, в первую очередь, духовными составляющими, среди которых приоритетная – выбор религиозных доминант и предпочтений. Го-

сударство, с точки зрения философа, – это «духовное единство людей, ибо в основе его лежит духовная связь, предназначенная для того, чтобы жить в душах и создавать в них мотивы для правильного внешнего поведения» [3, с. 106].

Мы остановились (пусть и предельно лапидарно) на идеях именно этих двух выдающихся соотечественников, потому что ими были выражены основополагающие мысли, касающиеся понимания феномена «государственной идентичности». Вот главные из них: приоритет духовности при обращении к различного рода политико-правовым феноменам. Далее, это важность именно традиционного, консервативного рассмотрения их сути, связанного с выбором таких мировоззренческих доминант, как христианство, а также уникальных государственных форм национального развития. Кроме того, стоит отметить само желание найти баланс между традиционализмом и поиском новаций, между консервативной реакцией на кризисные явления и пониманием неизбежности изменений как в политико-правовой сфере, так и в области конфессиональных отношений.

Высказанные соображения непосредственно затрагивают и ту сферу политико-правовой действительности, которая связана с белорусской национальной историей и соответствующей традицией. Начать здесь, видимо, надо с пояснения того, почему сегодня рассуждения о кризисе государственной идентичности неприменимы к отечественной практике. Дело в том, что реальная, фактическая государственность, о которой мы смело и с полным основанием говорим лишь последние двадцать с небольшим лет, находится в процессе становления, и вести речь о кризисе можно лишь в контексте национального роста и наполнения сущностным содержанием данного феномена. Христианская цивилизация Европы пришла к кризису идентичности, в том числе и государственной, в ходе тысячелетнего развития, в результате формирования и смены многочисленных государственных институтов, прихода к власти и ухода в историческое небытие многих династий, смены не просто конкретных форм государственного устройства, но и типов государственного мышления. Нам сложно примерить на себя именно такую цивилизационную кальку, к тому же при попытке учета опыта западных

государств возникают специфические проблемы национального развития.

Одна из них – это понимание характера феномена государственной идентичности применительно к формам государственности, существовавшим в нашем прошлом, скажем, во времена Великого Княжества Литовского или в советский период. Имело ли место в те периоды то явление, которое мы квалифицируем как «государственная идентичность», и если да, то в чем его суть? Сохранилось ли оно в тех или иных формах? Несложно заметить, что все попытки реанимировать в общественном сознании пиетет перед событиями и датами, связанными с историей, например, Великого Княжества Литовского, к заметным успехам не привели. Да, издаются книги, пишутся многочисленные статьи, происходит героизация конкретных персон того времени, но сказать, что жители страны стали ощущать свое кровное родство с тем периодом истории, нельзя. Нет того, что принято называть «связью времен», отсутствует понимание естественности и органичности конкретных форм государственного устройства обозначенного периода и его восприятие как своего, личного, имеющего конкретное отношение к тебе и твоему роду. Пусть даже не к тебе: дело не в личности, а в возможности хотя бы виртуального репродуцирования тех государственных форм в настоящем. Но такого нет, и причина вряд ли в том, что с тех седых времен прошли века, сопровождавшиеся идеологическими, а то и физическими «зачистками» национальных кадров и идей. Да, все это имело место, однако основная причина данного процесса забвения исторических корней лежит не в возможностях и характере пропаганды, не в отсутствии финансирования и привлечения к популяризации соответствующей тематики технических, организационных средств, интеллектуальных ресурсов. Дело в том, что государственность того периода почти никогда не воспринималась рядовым белорусом как «своя», защищающая его интересы, стоящая на страже его города, его деревни. Как таковой практики участия в государственной жизни в ту пору практически не существовало. Государственные структуры воспринимались как нечто «внешнее», от которого можно ждать чего угодно, только не облегчения твоей персональной участи. Причем понимание ситуации лежит за рам-

ками классической марксистской оппозиции «угнетенные – угнетатели». Проблема скорее в отсутствии школы гражданского взросления. Там, где такая возможность все же появлялась (Магдебургское право), частая смена власти, фактически непрекращающиеся военные столкновения ломали, уничтожали немногочисленные ростки гражданской активности.

Могут сказать: так было всегда и везде, но это не совсем верно. Лишь один пример. Французский историк Жак Дроз в работе «История Германии» достаточно подробно описывает процесс создания германской нации, единой германской государственности. Он замечает, что молодое поколение в XVIII веке обратилось к идее рейха, который «возвращал» страну к традициям древней Греции. Рейх представлялся тогдашней молодежи неким мистическим сообществом национальной и народной церкви. Школой гражданского взросления немецкой нации стали, в первую очередь, идеи, основанные на национальной традиции и культуре. В противовес критическому разуму, порожденному эпохой Просвещения, был предложен универсализм католической веры, главное же, французским революционным доктринам «противопоставили нацию в качестве живого организма, порожденного непрерывным действием жизненной силы, проявляющейся, главным образом, в нравах, верованиях, традиции и народном праве» [4, с. 18]. А реализовались эти идеи в стремлении к созданию общегерманского государства. Так появилась немецкая национальная идея, по сущности – национальная, консервативная, основанная на традиции, по форме требующая именно государственной идентичности.

Да, И.-Г. Фихте в знаменитых «Обращениях к немецкой нации» (1807) апеллировал не столько к государству (в том числе – «новому»), сколько к возрождению национальных традиций, языка, культуры, но он же утверждал, что вне государственных форм это возрождение невозможно.

Любопытно в связи с этим обратиться и к феномену советской государственности. Сегодня среди интеллектуалов достаточно распространена точка зрения, что это явление во многом искусственно поддерживается государственными органами, что советизм представляет собой некий допотопный идеологический и государственно-

правовой реликт, с которым надо бы побыстрее распрощаться. Здесь сразу бросается в глаза противоречие: если это явление настолько искусственно, отчего же оно мгновенно не улетучилось из общественных сознания и практики после смены вех конца прошлого века? Ведь все основания для этого (бедность, разочарование, критицизм, влияние западных идеологий) были. Очевидно, не все так однозначно.

Ведь советская государственность, при всех ее издержках, действительно и реально продемонстрировала, что власть может быть народной, имеющей отношение к судьбам конкретного гражданина, может являться не только внешней и агрессивной силой, но и структурой, ориентированной на обеспечение личного (корпоративного) существования. Примеров тому предостаточно, от возможности «достучаться» до твоей персональной правды до известных «социальных лифтов», которые позволяли человеку из низов подняться в верхние структуры общества. Не идеализируя советскую государственность со всей ее чрезмерной идеологической зашоренностью, ненужной жесткостью по отношению к гражданам и откровенной глупостью, вместе с тем нельзя отрицать и очевидных достижений, среди которых – принципиально новое качество государственной идентичности. Причем последняя достигалась не лозунгами, а конкретной практикой: скажем, Андрей Громыко, крестьянский сын, стал министром иностранных дел великой страны, а Павел Сухой, выходец из простой семьи, выдающимся авиаконструктором. Можно предположить, что сохранение пиетета перед теми или иными формами советской государственности возможно вследствие того, что именно она стала первым прецедентом реальной государственной идентичности.

Нельзя не упомянуть в данном контексте и об известных событиях в Украине конца 2013 – первой половины 2014 года. Одна из причин кризиса, разразившегося в стране, – разрушение стереотипов государственной идентичности и отсутствие внятных альтернатив этому феномену. Ведь советская Украина и ее ценности всегда отвергались большинством политиков страны. Государственная идентичность, продемонстрированная в практической плоскости политиками последней волны,

от господина Кравчука до господина Януковича, также не была поддержана. Но вместо того, чтобы стремиться к ее новому качеству, подразумевающему хотя бы некоторое, частичное «отождествление» гражданина и государства, их целей и приоритетов, в соседней стране предпочли сосредоточиться на проблемах моноязыка, внешнеполитической ориентации и т.д. Но прав был Иван Ильин: страна укрепляется вначале «внутренне», а уже затем речь может идти о «внешних» аспектах. Соответственно, сперва, очевидно, нужно искать консенсус на путях внутригосударственной консолидации, а потом уже – союзников и ценности вне границ государства.

Не надо думать, что «государственная идентичность» – это феномен, основанный на признании приоритетов интересов государства в дихотомии «личность – государство». Но реальность состоит в том, что вне государственных форм сегодня сложно го-

ворить о выполнении существенных задач, стоящих как перед обществом в целом, так и перед гражданином в частности. Можно сколько угодно петь осанну либеральным ценностям, утверждая приоритет интересов отдельного субъекта, но факт остается фактом: есть вопросы, которые можно и нужно решать именно в рамках консенсуса, в условиях единства как государства, так и личности. Насколько идеалистично звучит такого рода призыв? Настолько же, как и любые цели и задачи, формулируемые в человеческом обществе. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Постмодернизм: Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с.
2. Бачинин, В.А. Малая христианская энциклопедия: в 4 т. – Т. 3: Антропология. Психология. Этика / В.А. Бачинин. – СПб: Шандал, 2005. – 320 стр.
3. Ильин, И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин. – М.: Рарогъ, 1993. – 235 стр.
4. Дроз, Ж. История Германии / Ж. Дроз; пер. с фр. Б.А. Шуринова. – М.: АСТ, Астрель, 2005. – 157 стр.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Требования к оформлению научных публикаций составлены в соответствии с главой 5 Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации, утвержденной постановлением президиума Высшего аттестационного комитета Республики Беларусь от 24.12.1997 года № 178 (в редакции постановления Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 22.02.2006 года № 2).

Условия приема авторских материалов в журнал «Беларуская думка»

1. Принимаются рукописи, ранее не публиковавшиеся.
2. Редакция принимает рукописи в двух экземплярах (не ксерокопия), напечатанные шрифтом Times New Roman, 14-й кегль, межстрочный интервал – полуторный, объем статьи – до 10 страниц.
3. Статья должна содержать:
 - индекс УДК;
 - фамилию, имя, отчество автора (авторов), название статьи на русском и английском языках;

- резюме объемом 400–450 знаков на русском языке;
 - введение (с поставленными задачами), основную часть, заключение (с четко сформулированными выводами);
 - список цитированных источников, оформленный в соответствии с требованиями ВАК Республики Беларусь.
4. Материал визируется автором.
 5. Наличие электронного варианта статьи (дискета, компакт-диск, флеш-носитель).
 6. Иллюстративный материал предоставляется отдельными графическими файлами.
 7. Данные об авторе (0,5–1 страница): телефон, адрес электронной почты, место работы, должность, ученая степень, звание, сфера научных интересов.
 8. Рецензия (внешняя или внутренняя).

Материалы, в которых не соблюдены перечисленные условия, не принимаются к рассмотрению редакцией. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция оставляет за собой право осуществлять отбор, дополнительное рецензирование и редактирование статей.